

Московская Епархия, Богородское благочиние,
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Ногинска

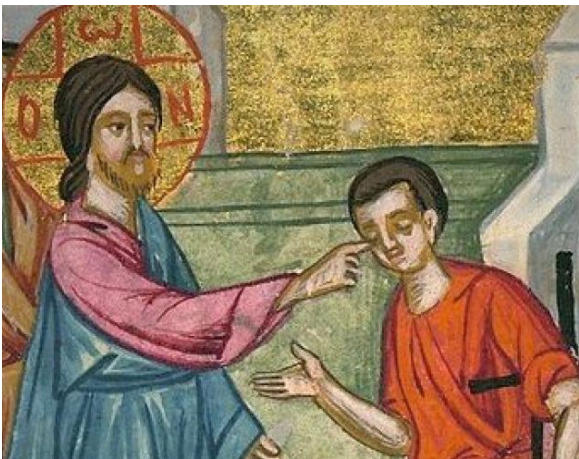
Тихвинский листок №4

26 Января 2020 года

Неделя 32-я по Пятидесятнице

Лк, 93 зач., 18, 35—43

Когда же подходил Иисус к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни, и, услышав, что мимо него проходит народ, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Шедшие впереди заставляли его молчать; но он еще громче кричал: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус, остановившись, велел привести его к Себе: и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу.

Слепой человек, который сидел у врат Иерихонских, знал, что он слеп. Мы тоже слепы – и мы не знаем этого. Он знал, что слеп, потому что все вокруг него могли свидетельствовать, что они видят, а он не видит, могли ему описать, что они видят, и он мог понять, чего он лишен.

Мы слепы, и если сравнивать нас со святыми – такими же, как мы, людьми, но которые просветлели душой, прозрели сердцем, умом, – то ясно делается, как многого мы не видим. **Но первая наша беда в том, что так редки среди нас люди со зрением, а еще страшнее то, что мы верим, будто состояние большинства – нормальное состояние, а если кто – редкий! – видит, слышит, чует, понимает, переживает необычайное, то он – вне нормы, он не обязательно является меркой для нас и судом над нашей слепотой, нечувствительностью, мертвостью.** В те времена в тех местах, где были явлены святые, с ними поступали, в общем, так же, как люди поступили со Христом: слушали недоверчиво, воспринимали слова насмешливо, к советам их не прислушивались, пути их не следовали. Порой дивились тому, что им дано, но считали это настолько необычайным, настолько неестественным, что к этому и стремиться нет смысла. **Так и теперь мы слепы, мы не видим, не чуем.** И надо себе поставить вопрос: **чего же мы не видим, к чему мы слепы?** Тогда, может быть, нам и придет на мысль прислушаться и попробовать понять.

Слепы мы к тому, что Бог посреди нас; в храме, вне храма – везде присутствует Господь; а мы живем, словно Его нет. Он рядом с нами, мы Им дышим, движемся, есмы – и не отдаем себе в этом отчета, приписываем себе жизнь, силу, ум, переживания, дарования, успех; однако проходим мимо Того, Кто есть источник всего. **Мы слепы в этом отношении: среди нас Господь – а мы можем думать пустые думы, переживать бессмысленные переживания, вести между собой тленные и растлевающие беседы.** А Он стоит безмолвно, как нищий стоит у двери: не взглянет ли кто на Него, не обратит ли кто внимание, не учует ли кто Его присутствия, не переменит ли Его присутствие чего-либо в сердцах, в мыслях, в словах людей?..

И мы не видим; и нас так много, невидящих, что нам это и не странно: все слепы – значит, это норма! Как это страшно! А когда мы посмотрим вокруг себя, то мы такие же

слепые. **Каждый человек – образ Божий, икона, подобие; а мы ничего подобного не видим в нем.** Пусть, конечно, эта икона изуродована – но разве мы к иконе, изуродованной человеческой грубостью, так относимся, как относимся к человеку? Если мы найдем икону растоптанную, оскверненную – с каким благоговением, с какой болью сердечной мы ее поднимем, прижмем к сердцу, унесем к себе, вычистим, поставим, как мученицу, на святое место и будем рассматривать то, что ее изуродовало, как раны, и *благоговеть* перед этим, потому что в этом мы увидим образ того, что случилось с Богом, когда Он стал Человеком: как Его люди били, как топтали, как оплевывали, как смеялись над Ним – это мы можем увидеть в иконе, написанной красками и пострадавшей.

А когда перед нами нерукотворный образ – человек, мы видим в нем – не знаю что, *только* не образ Божий, и относимся к нему, конечно, не так, как отнеслись бы к иконе, о которой я сейчас сказал... **Разве нам разрывает сердце уродство человека – что он зол, что он завистлив и т. д.? Нет! Нам не больно от этого, нам противно! И другому так же противно смотреть на нас, потому что мы такие же, как те, кого мы осуждаем...** И вот слепой в потемках бьет слепого, и никто из них не признает, что сам слеп и что это – ужас...

И еще: все в руке Господней; пути Божии неисповедимы: они бывают страшны; они бывают так светозарны, что слепит очи; они бывают так скромны, неприметны, что нужно все наше внимание, чтобы уловить действие Божие. **И вся наша жизнь, жизнь каждого отдельного человека, каждого из нас – в руке Господней. И все, без исключения, что в ней происходит, имеет смысл, если бы мы только прозрели и поставили вопрос: Куда ведет Господь? Что это значит?** – а не кричали: Мне неудобно! Мне больно! Меня это раздражает! *Не хочу* этого! Отойди прочь, Господи, с Твоими блаженствами, которые говорят о голоде, и о плаче, и о гонении, и об одиночестве... Не хочу того!..

И мы слепы: слепы в своей жизни, слепы в сложной, богатой жизни других, кто с нами связан; слепы в понимании путей Божиих в истории, слепы по отношению к отдельным лицам и к целым группам людей – верующим, неверующим, своим, чужим; к своим так же слепы, как к чужим... Разве это не ясно, если только подумать?

А мы сидим в пыли у врат Иерихонских и воображаем, что зрячи. Проходит Христос, и мы *голоса* не возвысим, не крикнем о помощи; нет нужды, чтобы нам говорили: «Молчи, не тревожь Учителя»... Что мне от Него нужно? Я все знаю... Что Он может мне дать? Я зрячий, я живой... Неправда! – и слеп, и мертв! **И только от Него может быть прозрение, и только от Него может быть жизнь.** Но вот, мы не видим этого и не просим – а Он проходит; больше того: останавливается, стучит в дверь ума, сердца, жизни всеми событиями, всеми людьми, всеми переживаниями, всем без исключения, чем полна моя личная жизнь, и жизнь каждого вокруг, и всех, и всего мира и вселенной. **А мы не слышим даже стука, даже гласа Господня, и не отворяем...**

Перечтем этот рассказ. Христос спрашивает: Что тебе от Меня нужно?.. Мы бы ответили: Да ничего мне не нужно, Господи; все у меня есть... Или, наоборот, чего только мне ни нужно – богатства, славы, дружбы, тысячи вещей, *только* не Его и не Его Царства. И поэтому и не слышим мы или слышим так редко: «Прозри! Ты же веруешь, ты поверил! Ты – на грани зрячести, так прозри же, это в твоих руках!» Не слышим мы этого слова не потому, что у нас какая-то теоретическая вера бессильна, а потому что ничего нам не нужно, мы «зрячи». Как это страшно!

Подумаем все над этим пристально, пока еще можно прозреть и увидеть, как богата славой жизнь, как близок Господь, как сияет Он славой вечности, как бесконечно Он смиренен, кроток, близок к нам, как лежит это сияние Господне на каждом лице, как на иконе, бьет ключом жизни в каждом событии, в каждом человеке, зовет нас: Разомкнись! Открой глаза, открой сердце, разомкнись! Пусть воля твоя будет гибкой, свободной! Пусть тело твое будет, как земля богатая перед посевом Господним, и тогда жизнь будет!.. Рождается жизнь в человеке и вокруг него ширится, как свет, как тепло, как радость, как вечность. **Все нам дано, и как мало мы это берем... Дай нам Господь мужество быть правдивыми, и дай нам Господь радость – радость прозреть!** Аминь.

Антоний, митрополит Сурожский.

Использованы материалы Провославие.py, <http://www.verav.ru/>

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)

Технический редактор: священник Сергей Макаров

Верстка: Ирина Тимошина